

М. М. КОПЫЛЕНКО

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ О ЯЗЫКЕ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ
ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*(Гипотактические конструкции славяно-русского перевода
„Александрии“)*

Памятники переводной литературы, созданные в древней Руси, необходимо признать одним из важнейших источников изучения ранних периодов в развитии русского языка. Они представляют широкие возможности для исследования различных сторон лексической и грамматической системы языка, но прежде всего должны быть использованы для изучения синтаксиса. Синтаксический анализ произведений древней переводной литературы является надежным средством для выяснения специфических отличий славянских языков от греческого и для установления характерных особенностей древнерусского языка, выделяющих его среди других древних славянских языков. О преимуществах, которые представляют в этом отношении переводные памятники по сравнению с оригинальными произведениями славяно-русской литературы, мы уже упоминали¹.

Среди других сторон древнеславянского синтаксиса особое внимание привлекает гипотаксис. Сложноподчиненные предложения раннего периода развития славянских языков настолько близки по своей структуре к сложноподчиненным предложениям греческого языка, что в литературе высказывалось даже сомнение в возможности провести между ними различие. Однако такое различие объективно существует, и именно переводные памятники дают возможность выявить его с максимальной четкостью². Более того, гипотактические конструкции разных изводов церковно-славянской переводной литературы при их сличении с оригинальными греческими конструкциями позволяют выявить своеобразные черты гипотаксиса русского, болгарского и сербского языков древнейшей поры.

Среди этих переводных произведений особая роль принадлежит „Александрии“. „История Александра, — как справедливо отмечает академик А. С. Орлов, — стала одной из мировых книг и всегда нисходила до массового обихода“³. Степень близости литературного языка к живой разговорной речи всегда зависит от жанра. В условиях же средневековья биографическая повесть с элементами фантастики несомненно должна была быть жанром, наиболее понятным народу и максимально

¹ См. М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода „Хроники“ Георгия Амартола. — ВВ, XII, 1957, стр. 232—233.

² См. исследования В. И. Срезневского, С. Слоньского, О. Грюненталя, Е. Т. Черкасовой и др. Подробные ссылки в нашей указанной выше статье (ВВ, XII, 1957, стр. 233).

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. М., АН СССР, 1934, стр. 9.

приближающимся к народной речи по своему языку. В этом отношении „Александрия“ превосходит не только богослужебную и житийную литературу, но также и исторические хроники. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что „Александрия“ повлияла со стороны стиля, метафор и художественных формул на многие памятники древнерусской письменности, в том числе и на летопись XIII или даже XII вв.⁴

Вот почему мы считаем, что для объективной оценки возможностей славянских языков раннего периода в области гипотаксиса именно „Александрия“ является одним из наиболее подходящих памятников переводной славяно-русской литературы.

Для своего исследования мы избрали тот текст „Александрии“, который уже в конце XII—начале XIII в. вошел как составная часть в русские хронографы. Относительно происхождения этого текста существовали различные мнения. Виднейший исследователь „Александрии“ академик В. М. Истрин в одной из своих ранних работ еще не решался признать без оговорок русское происхождение этого памятника. Но ни В. М. Истрин, ни другие исследователи не могли указать ни одной языковой черты, которая говорила бы о болгарском источнике „Александрии“, за исключением *рѣ* в соответствии с русским *ер*: „прѣваго“, „дрѣжим“, „смрѣти“ и т. п.⁵ Но одна-единственная, притом орфографическая, черта не может быть критерием для определения извода памятника. Ведь древнейшие списки „Александрии“ первой редакции, которая и подлежит нашему анализу, относятся к XV—XVI вв. — поре интенсивного южнославянского влияния на русскую письменность. Вряд ли можно относить употребление *рѣ* вместо *ер* к таким чертам правописания, которые механически удерживались при неоднократной (на протяжении трех-четырёх столетий!) переписке. Скорее всего это инновация, вызванная распространенным в XV—XVI вв. подражанием среднеболгарским образцам. В пользу русского происхождения „Александрии“ свидетельствует, помимо огромного количества фонетических и морфологических признаков⁶, лексика. Такие слова, как „сулица“, „пестун“, „кормилец“, „радитель“, „дружина“, „посадник“, „товар“ (лагерь, обоз), „корста“ (гроб), „староста“, „гривна“, „верста“, „скоть“ (деньги), „порты“ и многие другие, являются искони русскими. Частота употребления этих слов во всех без исключения списках исключает мнение о том, что они были введены впоследствии как восточнославянские эквиваленты болгарских прототипов. В более поздней работе академик В. М. Истрин без всяких колебаний говорит о русском происхождении „Александрии“⁷. Такой же точки зрения и до В. М. Истрина, и после него придерживались другие исследователи⁸.

Мы используем для изучения гипотактических конструкций „Александрии“ текст первой редакции, являющийся переводом греческого текста так называемого Псевдокаллисфена. Этот перевод был выполнен в конце XI—начале XII в. При анализе соответствий гипотактических конструкций греческому оригиналу делаются сопоставления со славяно-

⁴ См. А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 12.

⁵ См. В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, стр. 137—138.

⁶ См. В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 137.

⁷ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пг., 1922, стр. 96, 99.

⁸ См. А. И. Соболевский. Материалы и исследования по славянской филологии и археологии. — Известия ОРЯС, т. 88, 1910, стр. 98 сл.; В. П. Владимиров. Древняя русская литература XI—XIII вв. Киев, 1900, стр. 89; А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1945, стр. 46—47.

русским переводом „Хроники“ Георгия Амартола⁹ (первая половина XI в.) и с древнеболгарским переводом „Хроники“ Иоанна Малалы (X в.)¹⁰.

Наибольшее своеобразие в „Александрии“, как и в хрониках, представляют переводы инфинитивных конструкций оригинала. В славянском тексте вместо греческих инфинитивов выступают аналогичные им по синтаксическим функциям придаточные предложения.

Инфинитивы в значении обстоятельства цели переводятся придаточными цели с союзом «да»:

Ἐπανελθὼν δὲ Φίλιππος ἀπὸ τῆς ἀποδημίας ἐξῆλθεν εἰς Δελφοὺς χρῆσιμοδοτηθῆναι τὴν ἄρα μετ' αὐτὸν βασιλεύσει¹¹. — Възврати́а же сѧ Филипъ Ѡ шествіа, и зыде въ Делфоу, да емоу влѣхвоуѣть, ктѡ оубѡ по немь начнетъ цр̄твовати¹². I, 15.

Ὁ οὖν Παυσανίας ἔσπευσεν εἰς τὸ παλάτιον ἀρπάσαι τὴν Ὀλυμπιάδα. — Паоусѧ же тече въ полатоу, да въскытитъ Ἀлоумпѧдоу. I, 24.

Так же переводятся и субстантивированные инфинитивы с предлогами. —

Πρὸς:

Κελεύει οὖν Ἀλέξανδρος χωρογραφῆσαι τὸ περίμετρον τῆς πόλεως πρὸς τὸ θεάσασθαι αὐτό. — Повелѣ оубѡ Ἀлекса́ндръ ѡчерести мѣроу гра́дноую, да видить. I, 32.

Καὶ οὕτως ἀποφηνάμενος Ἀλέξανδρος πρὸς τὸ θρασύναи τὴν στρατιὰν αὐτοῦ ἀντιγράφει Πώρω. . . — И тако Ѡвѣща Ἀлекса́ндръ да во́л дръзы сътворить, и въсписа Пѡрови. . . III, 2.

ἡμεῖς δὲ ἐπέμψαμεν αὐτῷ σκῆτος καὶ σφαῖραν ἐπὶ τὸ παίζειν καὶ παιδεύεσθαι. — мѣ же послáхомъ къ нему мл̄чъ и кр̄чегу, да и гра́еть и оучѣтсѧ. II, 7.

ὥστε:

ἐκπέμψω κατὰ σοῦ καταδιώκοντας, ὥστε συλληφθῆναι ὑπὸ τῶν ἐμῶν στρατιωτῶν. — а́ще ли не послуша́еши, повелѣниѧ моѣго, послю нá тѧ, дá тѧ имоуть во́ини мои¹³.

Значительно реже, чем в „Хронике“ Георгия Амартола¹⁴, выступают придаточные цели вместо accusativus cum infinitivo:

..δύναμαι δὲ σοι ὡς Αἰγύπτιος προφήτης βοηθῆσαι τοῦ μὴ ἀπόβλητόν σε γενέσθαι ὑπὸ τοῦ Φιλίππου. — . . .могоу же ти помо́щи, ꙗ́ко пр̄ркъ е̄гипетскыи, ꙗ́ко да не ѡзгнана боудеши Ѡ Филипа. I, 4.

⁹ См. М. М. Копыленко. Ук. соч.

¹⁰ См. М. М. Копыленко. Из спостережень над исторію гипотаксису. Гипотактичні конструкції „Хроніки“ Иоанна Малали, пам'ятки перекладної літератури X ст. Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова, Збірник філологічного факультету, т. III, 1953.

¹¹ Греческий текст по изданию: Arriani Anabasis et Indica. . . — Reliqua Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. fragmenta collegit Pseudocallisthenis historiam fabulosam ex tribus codicibus nunc primum edidit Carolus Müller. Parisiis, 1877. Текст „Александрии“ Псевдокаллисфена снабжен особой пагинацией: I—XXXII, 1—152.

¹² Славянский текст помещен В. М. Истриным в приложении к его книге „Александрия русских хронографов“ под заглавием: „Александрия первой редакции по списку Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, ркп. № 905/1468“. Внизу страни помещены варианты других списков. Однако мы используем только такие примеры, которые в области характерных признаков гипотаксиса безусловно совпадают во всех списках. Сомнение в принадлежности анализируемых нами гипотактических конструкций протографу, таким образом, почти исключается. Римские цифры после славянского текста указывают номер книги, а арабские — номер главы.

¹³ В „Хронике“ Георгия Амартола инфинитивы с союзом ὥστε переводятся придаточными с союзами ꙗ́ко, ꙗ́ко да. (См. М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции. . . ., стр. 235—236).

¹⁴ См. М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 237—238.

...παράσχου μοι τὸν τοπον τοῦτον εἰς τὸ κοιμᾶσθαι με ἀπαρενόχλητον... — ...вѣдаи же ми мѣсто сѣ, да пребываю безъ голкы... I, 7.

Переводы инфинитивов придаточными временными и причинными в „Александрии“ не встречаются¹⁵. Но accusativus cum infinitivo часто переводится придаточным причинным. В роли союзов при этом выступают „зانه (же)“ и реже „ѣко“¹⁶:

...τοῦ βασιλέως Φιλίππου κατηφοῦς ὄντος διὰ τὸ ἐγκυον εἶναι Ὀλυμπιάδα τὴν γυναῖκα αὐτοῦ... — ...ѣрю же Филиппу драхлосу соуѣю, зане непразна бѣ Ἀлоумпιάда, жена еґо... I, 10.

...ὄν ὁ πατήρ σου ἐνέκλεισε διὰ τὸ ἀνθρωποφάγον αὐτὸν εἶναι. — ...еґоже Ѡѣъ твои затвори, зане члкоѣдець еґсть. I, 17.

Βασιλεύσεις Τύρου ὄλης, καὶ ὑποχειριός σοι γενήσεται διὰ τὸν Σάτυρον σοι δεδωκέναι Τύρον... — ...ѣрь боудеши всемоу Тоуру ѣ пѣ роукою твоею боудоуть, занеже ти еґсть вдалъ сатоуръ сѣрь... .

Ἐβουλόμην μὲν αὐτὸ μὴ ἀναδρέφαι διὰ τὸ γέννημα ἐμὸν μὴ εἶναι. — мыслилъ кмь не крѣмити еґго, ѣко не Ѡ мене см еґсть родиль. I, 13.

Столь же часто выступает вместо accusativus cum infinitivo придаточное дополнительное. В зависимости от глаголов со значениями „говорить“ и „думать“ употребляется придаточное с союзом «ѣко»: Οἱ δὲ ἐντόπιοι ἔλεγον ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις ἀνδρῶν ἀγρίους καὶ θηρία πονηρὰ καὶ τερατώδη εἶναι. — тоу земци же глахоу, ѣко въ странахъ тѣхъ дѣвѣи члци соуѣт ѣ звѣрѣе зли ѣ дивни.

αὐτὸν γὰρ ὑπόπτειεν εἶναι Ἀλέξανδρον. — мнѣше бо, ѣко тои еґсть Ἀλεξανдръ. III, 19.

...ἡ Κανδάκη προῆλθε βασιλικῶ διαδήματι ἐμφαίνουσα, ὑπερμεγέθη τὴν ἡλικίαν καὶ τὴν μορφὴν ἡμίθειον ἔχουσα, ὡς δοκεῖν Ἀλέξανδρον εἶναι τὴν ἑαυτοῦ μητέρα Ὀλυμπιάδα. — изыде Кандакы въ ѣрьстѣмъ вѣнци, велика тѣломъ ѣ Ѡ бразъ малы не акы бжѣи ѣмоуца, ѣко мнѣти Ἀλεξανдроу, ѣко еґсть мѣи еґго Ἀлоумпиада. III, 21.

...καὶ ἀνήρχετο ὁ κονιορτὸς ἕως Ὀλύμπου, ὥστε τοὺς Πέρσας ἀπὸ τῶν τειχέων ὀρῶντας ὑπονοεῖν πλῆθος ἄμετρον τὸ στρατόπεδον τυγχάνειν. — ...ѣ въсхожѣше прѣхъ до Ѡлоумпа, ѣкоже Прьсомъ, съ града зрѣимъ, мнѣти, ѣко мнѣси соуѣт воини безъ числа. II, 13.

Последние два примера показывают, что в том случае, когда в греческом тексте употребляются два взаимозависимых оборота accusativus cum infinitivo, один из них переводится дательным с инфинитивом.

В зависимости от глаголов со значением „желать“ и „убеждать“ выступают придаточные с союзом „да“:

βούλομαι ὑμᾶς χιθῶνας κατασκευάσαι πλῆθους πολλοῦ καὶ στείλαι ἡμῖν. — хоцоу бо, да пристроивае порты многи послете къ намъ. II, 11.

...ἔπεμψε πρὸς αὐτὴν τινὰς ὡς δυναμένους πεῖσαι αὐτὴν καταλεῖψαι Φίλιππον τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ γαμηθῆναι αὐτῷ... — ...посла къ неи нѣкыѣ, ѣже юґ мѣють оуґклюдити, да см Ѡ хабѣтъ Филиппа, моуґжа своеґго, ѣ ѣдетъ за него. I, 24.

¹⁵ Такие переводы часто встречаются в „Хронике“ Георгия Амартола (М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 236—237) и реже — в „Хронике“ Иоанна Малаалы (Ук. соч., стр. 68).

¹⁶ В богослужбных книгах: „зانه (же)“, „имъже“ и „понеже“. (См. St. Słoński. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908, S. 61). В „Хронике“ Георгия Амартола — только „зانه (же)“ (М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 241).

Такие же придаточные употребляются в зависимости от глаголов со значением „молить“, „просить“:

Ἐγραψε δὲ καὶ Πῶρω τῷ βασιλεῖ τῶν Ἰνδῶν δεόμενος βοήθειας τυχεῖν παρ' αὐτοῦ. — написал же къ Пѳрови ꙗꙑрю ѳндійскому молѳса, да помощь прїиметь Ѱ него.

ὥστε οὖν ἔλθε παρακαλοῦσα αὐτὸν διαλλαγῆναί σοι. — прїиди же оу'бо молѳса ѳмоу, да са прменїть к тоб'ѳ. I, 22.

ἰκετεύετε τοῦ μὴ ἀποθανεῖν... — ...мѳлитеса, да не оумрете... I, 37.

Οἱ δὲ τῶν Ἀφρῶν στρατηγοὶ ὑπήγγισαν αὐτῷ καὶ ἰκέτευσον αὐτὸν ἀποστῆναι ἀπὸ τῆς πόλεως αὐτῶν Καρθαγένης. — Воѳводы же афракїискѳм оу'срѳтоша, молѳшеса ѳмоу, да бы Ѱстоупилъ Ѱ града ѳхъ Каѳаргена. I, 30.

Οἱ δὲ λαβόντες τὸ ἀργόριον ἠξίωσαν Ἀλεξάνδρῳ χώραν αὐτοῖς ἀπομερισθῆναι ἐν τοῖς τόποις ἐκείνοις... — Ѱни же, прїѳмше сребро, молѳхоу Ἀλεксάνдра, да бы ѳмъ дѳль мѳсто на странѳ тои... II, 18.

ἀλλ' αἰτοῦμαι σε, προφῆτα, πάλιν συναμιγῆναι αὐτῷ... — нѳ молѳтиса, прѳрче, да бѳ са пѳкы смѳсїла с нимъ... I, 6.

Как видим из приведенных примеров, употребление сослагательного наклонения наряду с будущим временем (совершенным видом настоящего времени) факультативно. Оба способа перевода инфинитивов в функции дополнения здесь, как и в „Хронике“ Георгия Амартола, равнозначны.

Придаточное дополнительное с союзом „да“ употреблено также в зависимости от глагола „написа“, который, однако, имеет в данном случае значение „приказаль“:

Γνούς δὲ ταῦτα Δαρείος γράφει τοῖς ἑγγιστα στρατηγοῖς ἤτοι σατράπαις αὐτοῦ γενέσθαι ἑτοίμους καὶ παρεμβολῆν τιθέναί. — сѳ же оу'вѳдѳвъ, Дѳрїи написа къ блїжнимъ воѳводамъ ѳ къ боѳромъ своѳмъ, да боѳдоуть гѳтѳви ѳ строити плѳкы. II, 11.

Вместо accusativus cum infinitivo, зависящего от глагола со значением „знать“, выступает придаточное дополнительное с союзом „ѳко“: ...μαθὼν τὸν Φίλιππον ἔμπrouν (ἔτι) ὄντα, προσελθὼν λέγει αὐτῷ. — оу'вѳдѳвъ же, ѳко Филипъ еще дышетъ, прїшедъ къ нему, рече. I, 24.

Как видно из примеров, союзы в переводах греческих accusativus cum infinitivo придаточными дополнительными имеют уже вполне ясные и четкие значения: „да“ употребляется в значении современного „чтобы“, а „ѳко“ — в значении „что“.

Изредка употребляется вместо accusativus cum infinitivo придаточное следствия:

Εἰς δὲ τὴν Μακεδονίαν πᾶσαν ἐμφανῆς γενόμενος ὁ Νεκτανεβῶς ἀκριβῶς πᾶσιν ἐσκέπτετο, ὥστε καὶ τὴν βασιλίссαν Ὀλυμπιάδα ἀκούσασαν περὶ αὐτοῦ νυκτὸς ἔλθειν πρὸς αὐτόν... — И по всеи же Макидѳнїи прославивса Нектонав, извѳсто всѳмъ влѳхвоваше, ѳкоже и ꙑꙑрца Олоумпїада, слѳшавши Ѱ немъ, прїиде к нему нѳцию... I, 4.

Переводчик „Александрїи“ проявляет стремление к расчленению простого предложения даже тогда, когда инфинитив довольно тесно связан с глаголом в личной форме, когда он не является дополнением, а образует вместе с предшествующим глаголом составное сказуемое: Τί οὖν μοι συμβουλεύεις ποιῆσαι. — Что ми прїдаси оума, да створю. III, 19.

Однажды встретился перевод субстантивированного accusativus cum infinitivo в функции подлежащего придаточным подлежащим с относительным словом „еже“:

Τὸ δὲ ἐωραχέναι σὲ θεὸν καὶ κριοῦ κέρατα καὶ πολὴν τὴν χαίτην ἔχοντα, οὗτος ἐστὶν ὁ τῆς Λυβύης θεὸς Ἄμμων. — еже, еси видѣлъ бѣга, ѡвна рогы ѡмоуца и сѣдоу браду, и броуди имоуца, сѣ есть лувійскыи богъ Ἄμмонъ. I, 8.

Согласованные причастия греческого текста „Александрии“ переводятся разнообразными придаточными предложениями. Чаще всего они имеют атрибутивный характер и заменяются придаточными определительными:

Γύναι, κατὰ γαστρὸς ἔχεις ἄρρενα τὸν ἐκδικὸν σου γινόμενον. — жено, зачѣла еси въ чревѣ моужескѣ полѣ, иже боудеть мѣстникъ твои. I, 5.

... καταφρονούμεν κενῆς δόξης τῆς παρὰ τοῖς ἄφροσιν οὔσης. — ... преѡбидишь же тыцоую славу, еже при безумлих есть. III, 16.

... ἔλαβον ἂν τὰ χρήματα καὶ τὴν χώραν τὴν δεδομένην σοι... — взялъ быхъ имѣние и страну юже ти даѣть... II, 17.

Переводчик избегает калькирования. Он стремится как можно доходчивее передать содержание произведения и в случае необходимости смело отступает от формальных особенностей греческого текста.

Так, вместо пассивной конструкции употребляется активная: Πρωίας δὲ γενομένης, ἰδὼν Φίλιππος τὸ τεχθεὶν παιδίον ὑπὸ Ὀλυμπιάδος ἔφη. — Оутроу же бѣвшю, видѣ Филипъ ѡтроча, еже роди Ἀлоумπѣа, и рѣ. I, 13.

Причастие συναγόντων („собирающих“) переводится определительным предложением с союзом „идѣже“, потому что славянскому языку не свойственна конструкция: „Висады (название местности), иже събирають перь“ („Висады, которые собирают перь“):

... καὶ ἔφθασα ἐγγύς τῶν καλουμένων Βισάδων τῶν τὸ πέπερι συναγόντων. — и дошедъ близъ нарицаемымъ Висады, идѣже перь събирають. III, 8.

Оборот ἐπεκαλεῖτο ὄρκους τοὺς πρὸς τοῦτο πεποιημένους δαίμονας... („призывал заклинаниями предназначенных для этого духов...“) переведен крайне своеобразно, но в точном соответствии с общим смыслом:

... ἄσφας λύχον ἀπὸ τῶν βοτανῶν ἐπεκαλεῖτο ὄρκους τοὺς πρὸς τοῦτο πεποιημένους δαίμονας... — ... и въжегъ свѣтилникъ ѡ земліи, призываше заклинаа бѣсы, иже блѣху на сѣ надобѣ... I, 5.

Атрибутивный причастный оборот περιέχοντα οὕτως („содержащее следующее“), который слишком удален от определяемого γράμματα („письмо“), удачно переведен сочиненным предложением („и бѣше написано сиде“):

Μετὰ δὲ ἡμέρας τρεῖς γράφει Ἀλέξανδρος γράμματα Δαρείῳ, ἅπερ καὶ ὑπανάγνω τοῖς ἰδίοις στρατεύμασι λάθρα τῶν γραμματοφόρων Δαρείου περιέχοντα οὕτως. — По трехъ же днѣхъ написа Ἀлексάνдръ къ Дарѣеви грамоту, юже и прочте прѣ своїми вои ѡтѣи словъ дарѣеѡв, и бѣше написано сиде. I, 38.

Причастие, являющееся определением к дополнению, переведено придаточным дополнительным с заменой пассивной конструкции активной: ... καὶ ἀπήγαγον αὐτὴν Δαρείῳ ἐν Βαβυλῶνι, ἀπαγγέλλοντες αὐτῷ πάντα τὰ πραχθέντα τοῖς παρὰ τοῦ Ἀλεξάνδρου. — ... и несѡша въ Вавилонъ къ Дарѣеви и повѣдаща емоу всѣмъ, ѡже рече Ἀлександръ. I, 23.

Мастерски передано содержание перфектного причастия среднего рода τὸ γεγονός от глагола γίγνομαι („происходить“, „бывать“):

... καὶ ὄρᾳ μεγίστην παραχῆν ἐν τῇ πόλει, καὶ ἠρώτησε τὸ γεγονός. — ... и видѣ великъ мѣтежъ въ градѣ, и въпроша, что есть гѡлка¹⁷ си. I, 24.

¹⁷ голка — шум, гомон, мятеж, спор. См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, стр. 366—367. Ср. русск. просторечн. галдеть, укр.

Согласованное причастие с причинным значением переводится придаточным причинным:

Ἀναριθμήτους δὲ οὐσίας παρ' ἑαυτοῖς σπουδάσετε σωρεύειν, δοῦλοι ὄντες σωμάτων καὶ ἐντέρων ἀχορέστων. — безычислени же богатство тѣритесь събрати, раби бо есте тѣломъ ѿ чревома насытымъ. III, 16.

Придаточным причинным переводится также причастие, не имеющее причинного значения. Здесь мы наблюдаем изменение конструкции, стремление сделать текст более организованным и выразительным:

ἄχθεται δὲ ἡ ἐμὴ γυνὴ τοῦ πατρὸς αὐτῆς Πύρου ἀνααιρεθέντος ὑπὸ Ἀλεξάνδρου... — но жена моя враждуетъ на Александра, ꙗко оубиль есть Пора, ꙗкоже ѿца е. III, 23. Вместо: „враждуетъ отца своего [дѣла], оубиеннаго Александромъ“.

Согласованный причастный оборот с временным значением переводится придаточным временным:

Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος προέκοπτε τῇ ἡλικίᾳ, καὶ γεγόμενος ἐτῶν δώδεκα μετὰ τοῦ πατρὸς εἰς τὰς παρατάξεις τῶν στρατευμάτων παρεγένετο... — Александръ же моужаа шесла възрастомъ, егда бы двюнадесла лѣтоу, съ ѿца на войноу хожаше. I, 14.

Согласованное причастие будущего времени — придаточным цели:

Πέμφον οὐς βούλει τοὺς παραληφόμενους ταῦτα εὐθέως... — послѣ оубо ѿхже хоцешѣ, да возмоутъ сѣ. III, 18.

Субстантивированное причастие, выполняющее функцию подлежащего, — придаточным подлежащим:

Τί δὴ εἶη τὰ διδόμενα; — что еста, еже емлетѣ. I, 22.

Абсолютное причастие (genitivus absolutus) чаще всего переводится дательным самостоятельным. Только в одном случае genitivus absolutus переводится придаточным условным:

Ἦμεῖς μὲν οὖν οὐδὲ ὕδωρ πίνομεν ἄκοντας, δίψης μὲ παρούσης — мы же оубо ни воды приемъ, аще не жаждемъ. III, 16.

Значительно реже встречается замена существительного придаточным предложением. Она осуществляется преимущественно в тех случаях, когда переводчику трудно было подыскать соответствующий греческому существительному лексический эквивалент. Так, описательно переводится существительное τοὺς συμμαθητάς („соучеников“):

τοὺς συμμαθητάς αὐτοῦ ἐδίδασκε... — оубо чаше дати, ꙗкоже ни миже оубо чаше... I, 13.

Имя коня Александра Македонского „Буцефал“ воспринимается как нарицательное определение — „на котором была бычья голова“: καθέζομενος ἐπὶ τὸν Βουκέφαλον ἵππον. — сѣда на кони на немже бѣ волоуа глава. II, 16. (См. также II, 14).

При помощи придаточного цели переводится существительное ὁ τοκετός („рождение“, „роды“): Καὶ αὐτὸς δὲ ἐπένευσεν αὐτῆς τὸν τοκετόν... — ѿ самъ же повелѣ еи, да родитъ... I, 12.

Интересны случаи передачи обстоятельственных оборотов придаточными причины и сравнительным с одновременной заменой существительных прилагательными — вместо μικρότητα („малость“, „незначительность“) — „малъ“; вместо τολμήματι („дерзостью“) — „дръзи“:

просторечн. галдикати, болг. глък и глъчка — шум, гомон, ссора; глъчене — крик, ругань; глъча — шуметь, ругаться.

Οἱ δὲ Πέρσαι ἔβλεπον θαυμάζοντες τὸν Ἀλέξανδρον διὰ τὴν τοῦ σώματος σμικρότητα... — Прѣси же, зрѣше Ἀλεξάνδρα, двивлѣхусѣ, ꙗко мѣлѣ бѣше тѣломѣ. II, 15.

...τί ὑμᾶς ἠδίκητα, ἵνα ὑμεῖς ἀναλήτῃ με βαρβάρῳ τολμήματι; — ... чтѣ вѣи злѣ сѣтворихѣ, дѣ мѣ хѣцѣте погоубѣти, ꙗкоже вѣрвари дрѣзи. II, 20.

Изредка переводится придаточным определительным прилагательное, замкнутое между членом и существительным:

οὐ μὴν κωλύσης τὴν πρὸς ἅπαντάς μου εὐσέβειαν... — не мѣжеши вѣзбранѣти бѣговѣрѣа моеѣго, еѣгоже ѣмѣю кѣ всѣмѣ... II, 10.

Следует отметить, что передача существительных и прилагательных придаточными предложениями в переводе „Александрии“ встречается гораздо реже, чем в переводах „Хроник“.

Специфическими особенностями литературного жанра, к которому принадлежит „Александрия“, обусловлено то обстоятельство, что как в оригинале, так и в славянском переводе сравнительно мало сложно-подчиненных предложений. Подчинительных союзов в „Александрии“ значительно меньше, чем в „Хрониках“ или в богослужебных книгах. В составе подчинительных союзов „Александрии“ наблюдаются некоторые отклонения от „Хроник“, что видно из следующего сопоставления:

Союзы и относительные слова	„Александрия“	„Хроника“ Иоанна Малалы	„Хроника“ Георгия Амартола
ἐπεὶ (ἐπειδή)	понеже	зане, занеже, елма	зане, ибо
τίς, τί (в косвенном вопросе)	кѣто, чѣто который	кѣто, чѣто	кѣто, чѣто, кои, которѣ
οὐθεν	от негоже, отнюдоуже	—	темѣ
ὥς в причинном значении	ꙗко	ꙗко, акы	ꙗко
ὥς в сравнительном значении	акы, ꙗкы	ꙗко, ꙗкоже, акы	ꙗко, ꙗкоже

Особенности передачи вопросительного местоимения *τίς, τί* подтверждают наше мнение о том, что союзное слово „который“ издавна присуще восточнославянской традиции и отличает ее от южнославянской¹⁸.

Различие в передаче союза *ὥς* говорит о том, что в „Александрии“ проводится дифференциация причинного и сравнительного его значений. Различительным признаком служит конечный гласный „ꙗко“ — причинный союз, „акы (ꙗкы)“ — сравнительный союз. В „Хрониках“ причинное и сравнительное значения союза *ὥς* не различаются. В новозаветных текстах *ὥς* в причинном значении отсутствует. В сравнительном же значении этот союз передается так же, как в „Хронике“ Иоанна Малалы — через „ꙗко“, „ꙗкоже“ и „акы“¹⁹.

¹⁸ См. М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 241.

¹⁹ См. St. Słowski. Op. cit., S. 11, 12—13.

Своеобразной особенностью оригинала „Александрии“ является относительно частое употребление соотносительных конструкций. Эти конструкции находят эквивалентное выражение в переводе:

τοιοῦτος	ὅποιος — такой	акы
ὡσπερ	οὕτω — ꙗкоже	тако
οὕτως	καθὼς — тако	ꙗкоже

В некоторых случаях придаточное относительное передается посредством придаточного причинного:

... χειρόνες οἱ φίλοι τῶν ὑπεναντιῶν, οἱ καθ' ἡμέραν ἐπιβουλεύουσί μοι πλέον τῶν ἐχθρῶν μου. — горше сѣтъ друзи супостать, ибо всѧ дѣи на мѧ мыслѧтъ паче врагѧ мой^х. III, 15. Сохранение относительного подчинения в данном случае нарушило бы связность и стройность речи. В другом предложении подобного рода переводчик употребляет соотносительную конструкцию, близкую по своему составу к современной конструкции „за то, что“:

... βουλόμενος ἐκπορθῆσαι αὐτὸν ἐφ' οἷς ἐπραξε, συνίστημι αὐτῷ καὶ ἕτερον πόλεμον... — ...хотѧ погоубити е҃го за то, еже ми е҃сть сѣтвори, другоую брѧнь вѣстѧвлю нѧ нѧ... II, 19.

Особенности славянского гипотаксиса требовали от переводчика изменения порядка следования составных частей гипотактической конструкции:

τίς δὲ ὁ θεός, οὐκ οἶδα. — не вѣдѧ же, которыи бѣгѧ. I, 10. (Вместо: „который же богѧ, не вѣдѧ“).

Ἴνα μὴ αἰχμαλωτισθῶμεν διὰ τοῦτο πολεμοῦμεν. — бѣмѣсѧ, да не пленени боудемѧ. III, 4. (Вместо: „да не пленени боудемѧ, [того ради] бѣмѣсѧ“). Переводчик устраняет излишние при перестановке союзные слова „того ради“ (διὰ τοῦτο).

Иногда перестановка предложений сопровождается значительным изменением структуры гипотаксиса:

Τάφον γὰρ ἔξεις αὐτὴν ἢν κτίσεις πόλιν. — градѧ бѣ, ꙗже дѣлаеши, гробѧ ти хѣцетѧ быти. I, 33. (Вместо: [гробѧ бо хѣцешѧ имѣти тѡи, ꙗже дѣлаешѧ городѧ]). Эффект, произведенный перестановкой предложений, своеобразной передачей глагола ἔξεις, устранением местоимения αὐτὴν и вставкой местоимения „ти“, вполне очевиден.

Изученные нами факты говорят о том, что перевод „Александрии“ в области гипотактических конструкций менее зависим от оригинала, чем произведения исторического характера.

Переводы именных конструкций оригинала придаточными предложениями свойственны „Александрии“ в такой же степени, как и „Хроникам“. Однако в „Александрии“ в большей степени сказывается прогрессивная тенденция развития славянского гипотаксиса. В этом плане следует отметить: наметившуюся дифференциацию союзов [„да“ и „ꙗко“, „акы“ („ꙗкы“) и „ꙗко“], частое употребление соотносительных конструкций, свободное перемещение составных частей сложноподчиненных предложений, замену пассивных оборотов оригинала активными, устранение (без ущерба для смысла) затрудняющих понимание соотносительных и союзных слов, употребление одного вида подчинения вместо другого и сочинения вместо подчинения.

Все эти явления объясняются особенностями литературного жанра, к которому принадлежит „Александрия“, максимальным для того времени сближением языка этого памятника с обиходной речью. Но нельзя также не отметить высокой языковой культуры переводчика „Александрии“.

Не подлежит сомнению, что он владел более богатым арсеналом синтаксических средств, чем переводчики „Хроник“. Вполне вероятно, что это объясняется не только его личными достоинствами, но и объективным развитием языка. Ведь „Александрию“ от „Хроники“ Георгия Амартола, а тем более от „Хроники“ Иоанна Малалы, отделяет довольно значительный период.

Дальнейшее изучение памятников переводной литературы различных жанров и изводов позволит сделать более определенные выводы о структурных особенностях славянорусского гипотаксиса и о тенденциях его развития.
